

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Шабалдин

Организация желаемого будущего

«Автор»

2024

Шабалдин К.

Организация желаемого будущего / К. Шабалдин — «Автор»,
2024

Колдун поневоле. Представьте себе Сибирь, где после психотронной войны магия стала обычным делом. Порталы открываются на каждом шагу, а «магические» носки сами прыгают в стиральную машинку. В анклавe, затерянном в тайге, заправляет эксцентричный Жрец. Он — бывший ученый, который бросил исследования ради должности министра Счастья. Его главная забота — распределять магию по карточкам, чтобы жители не тратили ее на ерунду. Его команда волшебников — настоящие маги с дипломами. А вот колдуны — это конкуренты. Они предпочитают действовать по принципу «что хочу, то и ворочу». Главному герою Толяну Окуневу всего 13, но он уже мастер скандалов. Устав от школьных порядков, он сбегает в школу колдунов.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	11
7	12
8	13
9	14
10	15
11	16
12	17
13	18
14	19
15	20
16	22
17	24
18	25
19	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Константин Шабалдин

Организация желаемого будущего

1

Котёнок орал так, что в кабинете директора его было слышно через закрытое окно. Он был мокрый, грязный и трясся под дождём всем своим маленьким тельцем.

– Он вопит уже второй час, – сказал директор интерната. – Его видно из всех окон. Уроки уже закончились. Дети сидят по комнатам. Играют на компьютерах. Лайкаются в соцсетях. Но никто, ни один не вышел пожалеть этого уродца.

– Признаю, это была хорошая идея, – сказал инспектор. – Надо взять на вооружение.

– Вы что же – хотите сказать, что это я его подобрал? – возмутился директор. Он сильно боялся инспектора, но пытался держаться независимо. Директора недавно назначили на это место, и оно очень ему нравилось.

– Я хочу сказать, что это хорошая идея, – сухо ответил инспектор. Он видел директора насквозь. Это была его работа – видеть насквозь. Угадывать мысли. Понимать мотивы поведения и скрытые желания. В прошлой жизни детский психолог, он мастерски применял профессиональные навыки в новом амплуа. – Ваш интернат успешно прошёл проверку. Я заканчиваю инспекцию и составляю самый лестный для вас отчёт.

Они отвернулись от окна и не увидели, как через двор, кутаясь в халатик, пробежала девочка лет двенадцати и, подхватив котёнка, метнулась обратно в здание.

– И вот ещё, – инспектор сделал вид, что замялся. – Это конечно не принято, но я должен спросить – какое у вас Умение?

Директор изумлённо задрал брови, и инспектор торопливо добавил:

– Разумеется, это конфиденциальная информация.

– Ну, что ж, – с достоинством произнёс директор, – мне скрывать нечего. Я вампир.

– А, понимаю! – закивал инспектор. Он заранее предугадал ответ и был доволен, что не ошибся. – Тогда ясно, почему вы решились на такую работу.

– Ну, конечно! – радостно воскликнул директор. – Платят мало, но питанием я обеспечен. И детишкам польза. Не надо им по слякоти бегать кровь сдавать.

– И все довольны?

Если в вопросе инспектора и был сарказм, то едва различимый. Обижать вампиров не рекомендовалось. Их было много даже в правительстве, могли пришить сангуиворофобию. Инспектор терпеть не мог вампиров.

– А вот недовольные всегда найдутся... Кому-то компот кислый, кто-то на зарядку не хочет, но труднее всего поддерживать необходимый эмоциональный фон. Не умеют они ещё свои чувства контролировать. Это же дети! Им трудно объяснить в какое время мы живём.

Инспектор ничего не ответил. Один из немногих в стране он вполне понимал, в какое время они живут. И ему не нравилось это время и что в нём происходит.

2

Дождь был не сильный, но куртка промокла почти сразу. Потому что старая. Толик Окунев знал, что идти в школу колдунов надо через тайгу, через болото и дальше ещё по горной тропе пробираться. Но когда тебе тринадцать лет в такой путь лучше брать с собой кого-то из взрослых.

Так положено. А в посёлке, где жил Толик, мало кто бы согласился по доброй воле идти в школу колдунов, да ещё и тащить с собой пацана, у которого отец в тюрьме, а мать лишили родительских прав. Вот и пришлось Окуню под дождём, по грязюке тащиться на самую окраину в гости к Николаичу. И мимо железнодорожной школы ему было никак не пройти. А с пацанами из железнодорожной Толику встречаться не хотелось. Лишние вопросы. Но, наверное, сегодня без вопросов было не обойтись, потому что Костик Бобров, самый вредный из железнодорожных, сразу сказал:

– Ага, интернаровский? Ты куда? – а как он вышел из пелены дождя Окунь даже не заметил. – Деньги давай, раз ходишь здесь!

Он протянул руку и легко сверху вниз сдёрнул капюшон с головы Окуня. Вода полилась за шиворот. Морщась, Толик рванулся освобождаясь. Но Бобров держал крепко, он был выше и сильнее.

– Давай! – и замахнулся другой рукой.

– Ничего тебе не дам!! – зло крикнул Окунь. Прямо в лицо крикнул, даже слюна брызнула.

Костик не ожидал, отпрянул... и ударил. Ударил не сильно, но больно – в живот. Продолжая держать за куртку, надавил сзади, сгибая Окуня в пояснице.

– Страх потерял? Я тебе мало по башке стучал? Сейчас ещё получишь...

– Пусты, Костян, я к колдунам иду.

Толик сказал это уже спокойно, слегка задыхаясь после удара в живот, и, может, поэтому Бобров сразу ему поверил. Отпустил и даже шагнул назад. Толик выпрямился и одёрнул куртку. Глянул в глаза Боброву. Страх был в глазах. А трусом Костик не был, вот только сейчас лицо у него было как прошлым летом, когда в драке между пацанами из интерната и железнодорожными Валера Шиза достал пистолет и пострелял немного. Стрелял-то он в воздух, но железнодорожные всё равно в штаны наложили. А сейчас Окуню не по себе стало. Куда же он собрался, если только упоминание о колдунах самого Костика Боброва напугало?

Он ещё раз поправил куртку, накинул капюшон и молча пошагал, оскальзываясь.

– Постой! – крикнул Бобров. – Как тебя? Окунь?

Толик пошагал быстрее.

– Окунев! погоди! Вот возьми...

Толик обернулся и увидел, что Костик протягивает ему скомканные бумажки.

– Тут не много, но у меня нет больше. Забери...

Окуню очень захотелось подойти и забрать эти деньги, как не раз у него самого отнимали такие же, как Бобров, или сам Бобров, или его корефаны. Забрать и ещё дать пинка этому перепуганному пацану, так не похожему теперь на страшного минуту назад Костика, а теперь жалкого и съёжившегося. Вот только он почему-то знал, что не надо этого делать. Неправильно.

3

– У нас всё натуральное, экологически чистое, без всякой магии выращенное, – подкладывая в тарелку, говорил директор. – Не всё конечно, – понял он, что заврался, – но вот гречка натуральная!

В столовой стоял гвалт детских голосов и мерзкий запах казённой пищи. Но инспектору было не привыкать. Он прошёл через войну, плен и недолгое тюремное заключение во время смены политического режима. Тогда его вытащил старый друг, сразу сумевший разобраться в новой ситуации. Теперь старый друг стал министром, а инспектор... инспектор стал инспектором. Доверенным лицом при министре. С большими полномочиями. Вот только министр сейчас сидел у себя в кабинете, а инспектор с директором интерната за отдельным столиком в детской столовой. Инспектор мужественно давился тефтелями с гречневой кашей, запивал компотом и проклинал свои полномочия. Он бегло оглядел детей, рассеявшихся за столами. Дети вели себя хорошо, спокойно. Никто не плакал, не смеялся, не грустил, не веселился. Нет, они болтали, общались, но сдержанно, как предписано. Инспектор остался доволен.

– И вот ещё что, – сказал он, проглотив как будто мыльный на вкус кусок тефтели. – Мне поручено сопровождать одного вашего воспитанника к новому месту содержания. Анатолий Окунев. Он будет теперь у нас, при Министерстве. Официальное предписание я вам передам, а вы подготовьте его личное дело.

– Толик? – удивился директор. – Такой тихий мальчик, даже немного забитый. А впрочем, да-да, я понимаю, его папа в заключении...

– На излечении, – поправил инспектор и, подумав, счёл нужным уточнить, – в санатории.

– Конечно-конечно, – закивал директор. – Сейчас всё организуем.

Мимо проходила та самая девочка, что подобрала во дворе котёнка. Она попыталась незаметно прошмыгнуть за спиной у директора, но тот её заметил.

– Лиза, – позвал директор. Лиза вздрогнула и подошла, низко опустив голову. – Зайди к мальчикам и пригласи к нам Толика Окунева.

Инспектор увидел, как девочка ухмыльнулась. Едва заметно, уголками губ, но инспектору этого было достаточно. Ему сразу стало понятно, что основное задание, замаскированное под рядовую проверку, он провалил, и почему-то подумал, что компот, и правда, кислый.

– А его нет, – сказала Лиза со скрытым вызовом. – Он убежал. К колдунам, – она тряхнула головой, отбрасывая с лица длинные русые волосы. – А я знала и не сказала.

Инспектор схватил директора за лацкан пиджака, притянул его к себе через стол.

– Очень быстро соображайте – к кому из взрослых он пойдёт?

4

Николаич жил в старой панельной пятиэтажке, который год дожидавшейся сноса. Сразу заходить Толик не стал. Постоял под окнами, подождал. Если Николай скучает, он каждые полчаса врубает себе сцену воздушного боя из старого фильма «В бой идут одни старики». Колонки у него хорошие, война на весь двор идёт. «Будем жить!» – орёт Николаич вместе с горящим в самолёте пилотом, а из окна пустые бутылки швыряет. А иногда и не пустые. А иногда стихи свои орёт. Толик помнил, что-то вроде: «Я главного не понял, а главное – душа. Была вода в ладонях – ушла...»

(Здесь и далее – стихи Сергея Никифорова.)

Поэт, блин. Но было тихо.

Толик зашёл в вонючий подъезд и увидел Николаича. Тот сидел на ступеньках и задумчиво перебирал в руках связку ключей.

– Привет, – сказал Толик.

– Привет, Окунев, – сказал Николаич и стал внимательно рассматривать Толика. А Толик сразу забыл все слова, которые собирался сказать. Он ведь долго готовился к этому разговору, представлял, как будет убеждать Николаича взять его в дорогу, а Николаич будет отказываться, а он ему напомнит, как видел однажды, что Николаич кормит голубей и никому не сказал... а вот теперь кажется, потерял дар речи.

– А я вот домой не могу попасть... представляешь – ключи не подходят! – и Николаич растерянно пожал плечами.

– Это из-за меня, – наконец смог сказать Толик. И сразу легче стало, как в воду холодную собирался-собирался и прыгнул.

– Да-а-а? Дай догадаюсь – ты мне замки поменял пока я в ларёк бегал. За десять минут поменял?

– А ты не шути. Сейчас тебе не до шуток будет.

Николаич встал и, подойдя к Толику вплотную, продолжал с интересом на него смотреть. Толик понял вдруг, что физрук совсем небольшого роста.

– Николаич, отведи меня в школу колдунов.

И учитель не испугался как Костик Бобров. Он как будто ждал этих слов. Как будто понимал, что будет с ним сегодня непременно какая-то неприятность.

– Вот гадёныш, – сказал Николай. – Ну и почему ты меня, позволь поинтересоваться, выбрал? Толик растерялся. Он и сам толком не знал, почему пришел к учителю физкультуры.

– Ну, может, потому, что ты разрешаешь на «ты» себя звать... и воевал. И волшебники тебя до сих пор не забрали, хотя ты вон какой весёлый, анекдоты не боишься рассказывать и нас не ругаешь, когда смеёмся.

Николаич вздохнул и процитировал сам себя:

Говорил крокодил вежливо Маленькой обезьяне: Я сыт, до обеда следующего Останемся друзьями!

Потом протянул Окуню ключи.

– Попробуй ты открыть.

Толик проскочил лестничный пролёт и легко открыл дверь квартиры.

5

– Скажите, меня накажут? – спросил директор. Он вёл машину по раскисший дороге, с трудом удерживаясь от заноса.

– Не дёргайте руль, – сказал инспектор. – Никто вас не накажет. Наказывают или другим для примера, или чтоб самому неповадно было, но этот случай уникальный. Нет смысла вас наказывать.

Инспектор подумал, что наказать следовало бы его самого: он прошляпил мальчишку, упустил из-под носа. Но и этого тоже не будет. Потому что наказать инспектора мог только один человек. Но этот человек никогда не разменивался на наказания. Утративший доверие сотрудник просто исчезал при обстоятельствах, о которых инспектору не хотелось вспоминать.

– А в чём уникальность этого пацана? – немного успокоившись, спросил директор. И сразу испугался своего вопроса. – Если это не секрет, конечно.

– Секрет, – с удовольствием ответил инспектор. – Секрет государственной важности. Но вам я его раскрою.

После этих слов машина снова вильнула. Директор покосился на собеседника, но ничего не сказал. А инспектор развлекался. Он вполне мог позволить себе раскрыть государственную тайну этому олуху в полной уверенности, что вампир, паразитирующий на детишках, о ней никому никогда не расскажет. Он тоже умел делать так, чтобы люди исчезали. Даже если эти люди вампиры.

– У мальчишки должно в скором времени проявиться уникальное Умение. Он нам нужен. Нашему Министерству. И нам совсем не хочется, чтобы он со своим Умением оказался у колдунов. Лучше уж ему тогда в болоте утопнуть.

Директор остановил машину возле дома Николаича.

– Здесь, – сказал он.

– Быстрей, – сказал инспектор.

Они вышли из машины и почти бегом направились к подъезду. Уже поднимаясь по лестнице, директор спросил:

– А разве в Министерстве уже научились определять заранее, какое Умение проявится у человека?

– А вы не так глупы, как кажется, – прыгая через ступеньки, ответил инспектор. – Научились. В этом всё и дело. Учились, учились и научились.

Директор был хоть и не великого ума, но и, действительно, не настолько глуп, чтобы не понимать – инспектор не раскрыл ему и сотой доли информации, но того что стало известно – достаточно, чтобы навсегда потерять покой.

Дверь в квартиру на третьем этаже была распахнута. Они вошли, огляделись. Обстановка из категории «запущенное холостяцкое жилище» приближалась к категории «бомжатник».

– Опоздали, – пробормотал инспектор.

– Будем преследовать? – сотрясаясь объёмистым пузом, деловито спросил директор. – Вы же знаете направление?

– Будем, обязательно будем, – ответил инспектор, разглядывая директора. Под его взглядом тот попытался втянуть живот и расправить плечи. Получилось плохо. – Но не мы, – заключил инспектор и спросил:

– Мать мальчика живёт в посёлке?

– Да, работает в ателье, насколько я помню.

– А эта девочка... Лиза? Она почему-то знала про побег, а такое доверяют лишь близким людям. Они приятели?

– Понимаете, побег к колдунам это ведь ещё и детский фольклор, – оживился директор, почувствовав близкую ему тему. – Они про это сочиняют страшилки, пугают друг друга, поход к колдунам овеян у них романтикой, беглецов героизируют... – директор споткнулся под холодным взглядом инспектора и быстро закончил: – Он мог всему интернату рассказать, что идёт к колдунам, но мало кто воспринял бы его слова всерьёз.

– Однако девочка была уверена, что он сбежал. Значит, принимала всерьёз. Расскажите мне про неё как можно подробнее.

Директору очень не хотелось рассказывать про Лизу, да ещё и подробно но, промокнув лысину платочком, он раскололся. А куда ему было деваться?

6

– Мне деваться было некуда, – рассуждал Николаич, пока на коротком привале Толик с Костяном доедали консервы. – А вот ты зачем с нами попёрся?

Он спрашивал, конечно, у Боброва, который корочкой хлеба вычищал дно банки «Завтрак туриста». Костян догнал их, когда они уже лес прошли и подходили к болоту, а до этого от самого посёлка незаметно шёл следом.

– А куда мне было деваться? – угрюмо ответил Костян. – Небось, знаете, что бывает с теми, кто колдунам насолил...

– Знаю, – охотно ответил Николаич, – неприятности разные бывают. Со мной они начались даже раньше, чем этот юноша ко мне притопал. В собственную квартиру не мог попасть. Но это мне, видимо, знак подавали – не упрямясь, дескать, веди его к нам, раз именно тебя он выбрал в провожатые. А ты чего испугался? Он же не колдун ещё и когда им станет – неизвестно.

– Ну, вы даёте! – Бобров отбросил банку и встал. Поглядел на физрука, как на полоумного. – Как это не станет, если пошёл в школу колдунов? Оттуда ещё никто не возвращался. А когда станет, непременно мне отомстить захочет. Я бы, например, обязательно захотел. А он чем лучше? Так что я сам в колдуны пойду, раз такое дело. Хоть и не собирался. Мне оно незачем. У меня родители в порядке, по тюрьмам не сидят.

– Ты бы родителей лучше не трогал, – зло сказал Окунь, поднял брошенную Костяном банку и стал втаптывать в землю вместе со своей.

– А то что? – презрительно спросил Бобров. – Мне теперь тебя бояться нечего – сам колдуном буду. А сейчас могу и в рыло дать как раньше.

Толик секунду подумал и хитро глянул на Николаича. Тот ему подмигнул незаметно и приготовился слушать. Окунь подошел к Боброву и ласково спросил.

– Костя, ты ведь двоечник? А я на пятёрки учился. Я и у колдунов буду на пятёрки учиться, и колдуном лучше тебя стану, потому что ты и там двоечником будешь. Потому что ты тупой, – и отвернувшись, сказал: – Давай, Николаич, банку, я закопаю.

Видно было, что Костяну очень хочется побить Толика, но он снова боялся. Толику было забавно ощутить в себе неизведанное до сих пор чувство уверенности. Ему было приятно, что Боброву он теперь внушает страх. Чувство превосходства он почувствовал, ранее не испытанное. И ему приятно было вызывать страх у Боброва, который был сильнее, но сейчас откровенно трусил. Нет, правильно он придумал, взять и сбежать.

А Николаич задумчиво проговорил:

– Кто в школу колдунов ушёл, никто не вернулся – это все знают. Из детей там колдунов готовят – это тоже все знают. А вот куда подевались все взрослые, которые туда детей отводили – вот на этот вопрос мне кто ответит?

Но ему никто не ответил.

7

Ольга Окунева не понимала, за что ей досталась такая жизнь. Виноват во всём был, конечно, бывший муж, малахольный романтик. Сейчас она не понимала, как могла влюбиться и выйти замуж за этого хронического неудачника. Нет, поначалу всё было прекрасно, любовь и его возвышенные проповеди о несовершенстве мира. Она же слушала его, открыв рот, вот дура, корила она себя. Когда стало нечего жрать, до неё наконец дошло, что за скептический взгляд на окружающую действительность денег не платят. Сначала не платят денег, а потом приходят интеллигентные сотрудники Министерства счастья и уводят муженька на неопределённый срок.

«До полного излечения» – было написано на официальном бланке. А потом приходят хамы из социальной службы и забирают ребёнка в интернат. Потому что доходы, ниже прожиточного минимума.

Она сделала пасс и несложным заклинанием сотворила на манекене модельную юбку. Пока её напарница стягивала с манекена готовое изделие, можно было недолго передохнуть, подкопить энергию и снова пасс, заклинание, юбка. И так день за днём.

Ольга подумала, что надо вернуть себе девичью фамилию. Чтобы ничего не напоминало о Владимире. Сменить фамилию, накопить денег и забрать из интерната Толика. И выйти замуж. За серьёзного человека. Который из Толика выбьет дурь, от родного папашки оставшуюся. Нет, не в прямом смысле, а личным примером покажет, как надо в жизни правильно устроиться. Это всегда было сложно, а уж в наше время люди, как только не крутятся, чтобы, как в пословице – «и волшебников не рассердить и колдунов не разозлить». А ведь, по сути, и тем, и другим было нужно одно и то же. «Белые придут – грабят, красные придут, тоже, понимаешь...» – вспомнила Ольга из старого фильма.

Тренькнул телефон. Ольга достала мобильник и прочитала на дисплее: «Ваше сообщение успешно доставлено». Ольга пожала плечами: не отправляла она никаких сообщений. Проверила исходящие – точно, не отправляла.

8

К болоту они подошли уже к вечеру и стали готовиться к ночлегу. Собирался Николаич впопыхах, можно сказать, совсем не собирался. Просто покидал в рюкзак еду из холодильника – и пошли. В магазин заскочили уже по дороге, котелок купили и фонарь. У Николаича даже на бутылку денег не осталось. Поэтому ни палатки, ни мешков спальных у них не было. Да и одеты по-городскому, не для похода. Хорошо ещё, что дождь кончился сразу за посёлком, стало сухо и тепло.

Николаич был, пожалуй, рад бросить всё и отправиться в неизвестность. Его немного пугало, что ни один взрослый ещё не вернулся. Но и оставаться дальше не было больше сил. Нет, работа учителем физкультуры в интернате не была ему в тягость. Детей он любил и легко находил с ними общий язык. Но вот смотреть в глаза ученикам ему было больно. В мире, где под запретом оказались проявления эмоций, им было труднее, чем взрослым. Детям было труднее, но притворяться они умели лучше.

Пока Николаич готовил постель из елового лапника, а Бобров бегал в кусты, Толик опять вспомнил, как Лиза плакала после беседы с директором. Директор был лысый и толстый и это был новый директор интерната, назначенный после того как Маму Галю увели волшебники. Новый директор любил вызывать к себе в кабинет девочек – особенно тех, которые ходили в кружок художественной гимнастики.

– Он обидел тебя? – снова и снова спрашивал Окунь у Лизы, а она тихонько плакала и ничего не говорила. И старалась быстрее справиться с собой, со своими слезами, чтобы никто не заметил и не настучал тому же директору: «А Лиза плакала – бе-бе-бе!» А Толик, глядя как у неё вздрагивают плечи, ненавидел директора так сильно, что в животе у него становилось холодно.

Николаич развёл небольшой костёр и кипятил воду в новом котелке. Из кустов прибежал радостный Костик:

– На вот, Николаич, я брусники нарвал, листочков, заваривай.

– В ручье сполосни, – сказал Николаич.

Толик услышал, что ему пришло сообщение, и достал телефон. «Толик, ты должен немедленно вернуться».

– Разве мы ещё в зоне приёма? – удивлённо спросил Николаич.

– Не в зоне. Давно уже, – ответил Окунь и выключил телефон.

9

После уроков Марина, самая старшая из девочек, заявила учителю:

– Это очень плохо, что у нас нет предсказателя!

– Зачем тебе? – засмеялся колдун. Он был совсем молод, немногим старше своих воспитанниц, но зато с бородой.

– А тогда мы заранее знали бы о приближающейся опасности, и не надо было бы впустую на болоте дежурить.

Колдун промолчал. Он знал, что девочки очень не любят ходить на болото, где был расположен охранный периметр. Можно было бы просто поставить магический барьер, но это привело бы к значительному расходу энергии, которую надлежало тщательно сберегать. Поэтому ограничивались системой сигнализации на основе самых простых амулетов. И маленькие колдуньи каждый день, по очереди, ходили менять вчерашние амулеты на новые, подзаряженные. Так выходило экономнее. А про «опасность» Марина сильно преувеличила.

Колдун близко бы не подпустил девочек к периметру при даже намёке на возникновение рискованной ситуации. Просчитать вероятность на ближайшие сутки он мог и без всяких предсказателей. Дежурили на случай появления «беглецов». Встречали.

Марина, не дождавшись ответа, вышла из класса вслед за остальными колдуньями. Колдун встал, подошёл к окну. Девочки резвились, радуясь окончанию занятий. Кто-то крикнул:

– Побежали глядеть, как Сонька рыбу ловит! – и они умчались к озеру. Колдун вынул из нарукавного кармана свитера мобильник, нажал кнопку быстрого вызова. Пока шёл дозвон, сделал несложное заклинание усиления сигнала.

– Привет, – сказал он.

– Привет, борода, – ответили ему. – Завтра гостей жди. Мальчишка всё-таки сбежал и выйдет к ближайшей школе. А ближайшая – твоя.

– Сбежал... Впрочем, мы же сами этого исподволь добивались. И мы, и они. Его обязательно попытаются остановить. Я выйду навстречу. Сейчас же.

– Нет! Всё должно выглядеть естественно, встретишь как обычно на кордоне, когда ученики тревогу поднимут. Волшебники не должны догадаться, что мы тоже знали о способностях парня.

– У меня ученицы, – автоматически поправил колдун и сильно почесал бороду. Волосы заскребли по микрофону мобильного.

– Что?

– Не важно. Думаю, надо всё же перехватить до кордона. Волшебники наверняка пошлют за ними лучших спецов. А они умеют уговаривать. Вот когда я сбежал, чуть не уговорили. Ему же страшно, он же просто мальчик.

– Ты хочешь завалить нашу агентурную сеть? – собеседник сильно повысил голос и колдун морщась, убрал телефон подальше от уха. – Мне сказали, что эту операцию готовили несколько лет, с момента как стало известно о потенциальной возможности появления уникального Умельца. Возможно, за мальчиком наблюдали с самого рождения. Пожалуйста, действуй по плану.

– Хорошо Макс, я буду действовать по плану, – ответил колдун и отключил связь.

Он сунул трубку в карман и легко выскочил в окно. Тоже пойду посмотреть, как Соня рыбу ловит, подумал он. Если ничего нельзя сделать. Если в борьбе департаментов за политическое влияние дети становятся разменной монетой, будем смотреть, как ловят рыбу.

10

Когда уже улеглись и Толик всё никак не мог заснуть, ворочался да на звёзды смотрел, Николаич спросил:

– Окунев, ты помнишь, мы в магазин по дороге зашли?

– Когда ты котелок купил? Помню.

– Так вот там продавец был – волшебник.

Окунь повернулся, пытаясь в свете затухающего костра разглядеть лицо Николаича.

– Да как ты узнал-то?

– А я их чую, – засмеялся невесело Николаич. – Когда после ранения в госпитале лежал, там их много было, я понял, что могу их от обычных людей отличать.

– Это потому, что у тебя в голову ранение было, – влез в разговор Бобров. – Я читал, так бывает – если мозг у человека задет, он или дураком станет, или новые способности в себе открывает. Языки иностранные выучивает легко или там погоду предсказывает. Если не помрёт, конечно...

– У кого-то здесь мозг точно задет, – негромко сказал Толик. – Николаич, а ты почему сам в волшебники не пошёл? Мне отец говорил, что после армии легко к ним устроиться.

Николаич помолчал. Он вспомнил, как в конце войны, когда магия уже понемногу действовала, волшебники заклинаниями бесстрашия и героизма гнали в бой его батальон. Хорошая получилась атака, вот правда на противника заклинания тоже действовали.

– Как тебе сказать... вот, что, по-твоему, общего, между колдунами и волшебниками?

– Ничего общего, – опять подал голос Костик. – Волшебники среди людей трутся, вынюхивают, кто чем дышит, себя не выдают поначалу, а потом – опаньки! Вот печать – пройдёмте с нами. А колдунов никто никогда не видел. Известно только, что если кто против них пойдёт – всё, капец ему... – Я знаю, – перебил Окунь Боброва. – И тех и других все одинаково боятся.

– Точно! – воскликнул Николаич. – А я не люблю, когда меня боятся.

– Почему? – изумлённо спросил Костян.

– Не знаю. Наверное, потому, что в голову раненый.

11

Лизе было очень страшно. Сначала она надерзила взрослым, когда рассказывала про побег Толика, а теперь её поймали на очень серьёзном нарушении. После таких нарушений, дети, бывало, навсегда пропадали из интерната и больше про них никто не слышал.

– Скажи правду, – настаивал директор. – Зачем ты котёнка подобрала?

– Не знаю... я не знаю. Я, правда, не знаю! – Лиза удивлённо смотрела на успевшего обсохнуть котёнка, который тёрся об её ноги. Она попалась им в коридоре, когда несла его спрятать в подвале. Там бы он жил, а она приносила бы ему покушать и гладила по шёрстке. Такой вот был план. А теперь её застукали, хоть и не на месте преступления, но зато с уликами от которых не отвертись. «Улики» жалобно пищали, просились на руки.

Инспектор спросил: – А ты его покормила?

– Да, – кивнула Лиза. – Я в столовой молоко взяла, напоила его из блюдечка и полотенцем шёрстку ему высушила. А потом он вылизывался долго.

– Ты же знаешь, что это нельзя, – укоризненно сказал директор.

– Знаю, – Лиза вздохнула и решительно заявила: – Раз нельзя, я его завтра утром в приёмный пункт сдам!

Директор с инспектором переглянулись.

– Вот и молодец. Хорошая девочка.

И директор погладил Лизу по мокрым волосам.

– А пока можно, я с ним поиграю? – Лиза жалобно посмотрела на директора.

– Ну, что с ними делать? – добродушно засмеялся директор. – До завтра поиграй, но другим детям не говори, что это я тебе позволил. А потом мне расскажешь, кто его у тебя видел. Поняла? Лиза кивнула.

– Ну, беги.

Лиза подхватила котёнка и вприпрыжку поскакала по коридору.

– Завтра у неё такой эмоциональный всплеск будет, что любо-дорого, – директор довольно прищурился и едва слышно заурчал. – Сам её на приёмный пункт провожу.

– И не забудьте меня уведомить. По долгу службы, сами понимаете, – инспектор облизнул пот с верхней губы.

– Непременно, непременно, – прошелестел директор. Инспектор начинал ему нравиться. Не сразу, но налаживался контакт.

12

Снилось Толику, как новый директор швыряет в него мобильные телефоны из окна николаичевой квартиры, а Лиза стоит рядом и говорит: «Не бойся, он ни за что в тебя не попадёт. Он же косой!»

Но ты должен как можно скорее вернуться!». И говорила она почему-то маминым голосом. А когда они проснулись, у потухшего костра сидел волшебник. Был он весь какой-то закутанный – в плаще, в сапогах, шарф на шее, перчатки на руках – а ведь светило солнце, было тепло. И кашлял. Окунь сразу почувствовал, что это волшебник, и понял, как у Николаича получалось их различать среди обычных людей. Он ещё подумал, что может эта способность заразная и он теперь тоже на голову больной... – Просыпаемся, просыпаемся!! – прогундел волшебник и высморкался. – Просыпаемся и ко мне подходим.

– По одному с поднятыми руками? – весело спросил Николаич.

– Всё шутим, – грустно сказал волшебник. – Уже до болота дошли, а всё шутим, всё дурачками прикидываемся. Всё непонятно нам, куда взрослые подевались, которые детей отводили... – Николаич, он подслушивал! – закричал Толик, вскочил, метнулся к кустам спрятаться, убежать от очень мирно выглядевшего и от этого ещё более страшного человека, но волшебник дёрнул плечом, ноги у Окуня сами собой запутались в траве, он упал и больно стукнулся грудью.

– Вы бы с детьми поаккуратнее, дети не кегли, – тихо сказал Николаич, шагнув к волшебнику. – Ты кто такой, вообще, здесь распоряжаешься? Я ведь тоже могу кое-кого сейчас опрокинуть!

– Не надо притворяться, не надо усугублять, вы все отлично поняли, кто я – вблизи болота уже магическая зона действует. Впрочем, могу и официально, – он поднял вверх руку, раскрыл ладонь – там светилась печать Министерства счастья.

– Я такую уже видел, – прошептал Толик, – когда папу забирали.

– Так я же тебе от папы привет передать пришёл, а ты бегаешь. От мамы привет-то уже получил, на мобильный?

Волшебник старался говорить ласково, но простуженным голосом получалось это у него плохо. Он и сам это, видимо, понял и перешёл опять на приказной тон.

– Значит, последний раз говорю – возле меня собрались!

– А то – что будет? – Николаич говорил очень спокойно, но Толик видел, что кулаки у него сжаты и весь он напряжен.

Волшебник помолчал, а потом тоже спокойно спросил:

– А хочешь – скажу, где взрослые, которые детей к колдунам отводили?

– Где?

– А в болоте.

Пока волшебник отвлёкся на физрука, Толик на четвереньках добрался-таки до кустов, залёг там, растерянно озираясь. Если проползти тихонько, не высываясь, прямо по болотной грязюке, то, может, и не заметят. Но волшебник сразу нашёл его взглядом и поманил пальцем, а Николаич сделал движение встать между ними.

И тут Костик Бобров, про которого все забыли, сказал:

– А давайте костёр запалим и чаю попьем. А то жрать хочется катастрофически.

13

Над окошком, пробитом в глухой бетонной стене, коряво было намалёвано: «Пункт приёма домашних животных». Из окошка рыхлая тётка, подперев подбородки кулаком, уныло смотрела на двух солидных господ и девочку с котёнком на руках. Котёнок, единственный, подавал признаки жизни. Он, цепляясь коготками за кофточку, тянулся к лицу девочки, пытаясь лизнуть её в щёку.

Девочка, замерев и, кажется, даже не дыша, легонько покачивалась из стороны в сторону с закрытыми глазами. Она бы, наверное, упала, но её не придерживал за плечи один из мужчин.

Другой положил ей руку на голову. Глаза у мужчин тоже были закрыты, а на губах блуждали улыбки. Тётке было скучно, она здесь и не такое видела.

14

Идти по болоту было очень трудно. Впереди шёл Николаич. Он прощупывал болотную жижу перед собой длинной жердью и лишь потом делал шаг. За ним карабкался Окунь, которому вода доходила почти до пояса, замыкающим плёлся Бобров. Костик, хоть был выше и крепче, выдохся первым. Он всё время канючил, что устал и хочет есть и вообще идти никуда не собирался, даже деньги предлагал «этому гаду Окуню» и когда уже кончится это вонючее болото. И что очень жарко. И ещё он постоянно сбивался с тропы и проваливался, и Николаичу приходилось вытаскивать его.

А рядом легко скользил по воде волшебник и то угрозами, то уговорами старался заставить их вернуться в посёлок.

– Сергей Николаевич, – говорил он. – Я ведь не шучу. Утоплю в болоте – булькнуть даже не успеешь.

– Мог бы – давно утопил... – в который раз отвечал физрук и упрямо шёл дальше. Тыкал перед собой шестом, оглядывался на пацанов, поджидал отстающего Костика и не забывал ободряюще кивнуть Толику. Иногда мурлыкал себе под нос частушки собственного сочинения:

Мы набиты фальшью,

Словно рыбы фаршем.

Неудобно?

Зато съедобно...

Стихи у него, надо сказать, были весёленькие.

А волшебник всё не унимался:

– Окунев, а ведь ты, засранец, не подумал, что подвергаешь опасности жизни своего учителя и этого мальчика, который вообще не при чём.

– Подвергает, – согласился Бобров противным голосом.

– Отвали, – устало огрызнулся Окунь. А волшебник сказал насмешливо и в тоже время с угрозой:

– Ты со мной так не разговаривай, ты со своим директором так бы разговаривал...

Вот тут Толик подумал, что неплохо бы самого волшебника взять и утопить.

– А ты на меня не зыркай, – продолжал волшебник. – Всё про тебя знаем. Бойся своей мамы! Толик остановился.

– Почему? – растерянно спросил он. А волшебник часто-часто затараторил: – Отец в тюрьме, мать на двух работах, чтоб прокормить его, оглоеда, а он из-за девчонки сбежал, как не стыдно, обидели малютку, подумаешь, а почему инспектору не пожаловался... – Заткнись, ты! – закричал Окунь и рванулся к волшебнику, провалился, дёргаясь в трясине, протянул руки: – Замолчи, сволочь!!

– Толик, ты чего испугался? Что про Лизку узнают? Так они знают! – и волшебник захохотал.

Толик замер, оглянулся на Николаича. Тот стоял молча и не смотрел на него, не спешил вытаскивать из трясины. А Бобров, вытирая рукавом пот с лица, сказал: – Про Лизку-то? И директора? Так все знают. Давно уже. Он у неё кровь пьёт.

15

Соня, балансируя свободной рукой, закрепила кошачий череп на вершине вбитого в землю высокого шеста и посмотрела вниз. Лестница под ней ходила ходуном.

– Марина, держи нормально!

Марина, которой поручено было придерживать лестницу, вздрогнула и вцепилась в перекладины двумя руками, виновато улыбнулась.

– Опять мечтаешь, – печально сказала Соня, спускаясь. Хотя и младше Марины, она была старостой класса и держалась строго. Соня была очень серьёзной девочкой. Вернее – колдуньей.

Марина смутилась и, оправдываясь, сказала: – Нет, я почувствовала присутствие... – Да? – Соня посмотрела по сторонам. – Я ничего не чувствую.

– Ты с артефактами работала, уровень Магии у тебя сейчас низкий.

– Да, они Силу вытягивают... И кого чувствуешь?

Марина встала на четвереньки и стала нюхать воздух. Нос у неё вытянулся, черты лица заострились. Соня, чтобы не сбивать запах, отошла на несколько шагов.

– И кем ты себя представляешь? Кошка или волчица? – с интересом спросила Соня.

– Отстань, не мешай... Я мышка, серенькая... Соня засмеялась.

– Маринка, тебе пятнадцать лет уже, мышками девочки из младшей группы прикидываются!

– Плевать, мне в мышку лучше всего получается трансформироваться, а чуют мыши не хуже волков.

Соня покачала головой и стала брезгливо вытаскивать из мешка амулеты – черепа мелких животных, сушеные мухоморы, мотки паутины... Пахло от этого хозяйства соответствующе, и Соня морщилась.

– Ну, вот. – Марина встала и отряхнула колени. – Идут. Трое. Два мальчика и взрослый.

– Хорошо, – обрадовалась Соня. – Мальчики это очень хорошо.

– Я тоже думаю, что мальчики это хорошо, – очень серьёзно сказала Марина. – Мальчики это просто здорово, – она закатила глаза и качнула бёдрами.

– Дура ты, Маринка, – рассердилась Соня. – Нам парней не хватает с артефактами работать. Вот этот череп кошачий! Его на полную мощность можно включить, если только крыльями летучий мыши обвесить. И сделать это должен непременно колдун. Заметь – не колдунья, а именно колдун. Иначе сигнализация работать будет в пол силы.

– А я чё? Я ни чё. Я и говорю – работать некому, одни девчонки, – засмеялась Марина и тихо добавила: – Вот будет тебе пятнадцать, а не двенадцать, по-другому запоёшь...

– А если сигнализация будет плохо работать, – дальше лекторским тоном продолжала Соня, – мы так и будем в дежурствах на кордонах торчать. Тебе нравится? Вот скажи – тебе нравится здесь на болоте тину нюхать?

– Кишки сушёные мне особенно нравится по жердям развешивать! – тоже рассердилась Марина. – Что ты въедливая такая? Пошутить нельзя?

Марина ещё раз отряхнула джинсы и тоже принялась разбирать амулеты. А Соня вдруг дёрнулась, как от удара.

– Ой.

– Ты что? Соня, что с тобой? Ты бледная...

– Как же ты нюхала, дрянь, что волшебника не почуяла? – Соня говорила шёпотом. Она прижала ладони к вискам и присела на корточки.

– Где? – Марина опять опустила на четвереньки. – Не чую... – жалобно сказала она.

– Волчицей нюхай, – зло прошептала Соня.

Марина зажмурилась, прогнулась в пояснице и оскалилась.

– Чую. Волшебник. Матёрый. Кружит вокруг этих... гостей. С пути их сбивает, но Магию не использует. – Марина говорила тихо и часто, задыхаясь как после долгого бега.

16

Максиму нравилось, что по делам службы ему часто приходилось бывать в игровой Зоне. В Зоне Игры, как предпочитали говорить местные обитатели. Он с удовольствием ходил со сталкерами за хабаром или отстреливал на охоте мутантов. У него было много приятелей среди орков, а одна эльфийка всегда ждала его в гости. И дело даже не в том, что само существование места, в котором реализовались любимые с детства компьютерные игры, было настоящим чудом. К чудесам за последние двадцать лет уже худо-бедно привыкли. Просто здешний народ плевать хотел на ограничение проявления эмоций, действующие на большой земле. Они радовались и горевали, плакали и смеялись, тосковали и грустили... они даже влюблялись и ненавидели. Вот и сейчас сталкеры от всей души веселились – затеяли с орками рукопашную.

Орки, которых обычно отстреливали ещё на подходе к Бару, тоже были очень довольны и лихо крушили противника боевыми топорами. Сталкерам, одолжившим для такого дела длинные мечи у эльфов, приходилось туго. Если вначале схватки было восемь сталкеров против четверых орков, то теперь трое из восьми в пробитых брониках валялись на земле и над каждым в воздухе светилась надпись: «Игра окончена».

– Вали читеров! – ревел Чакра, в реале худосочный парнишка Вовка Чакрыкин, а в игре – грозный орк, ходячая гора мускулатуры. Топор он держал в левой руке и почти не пускал его в дело, зато в правой у него была толстенная цепь, которой он хлестал вокруг себя.

– Русские не сдаются, – крикнул Слава Гискинд, по кличке Гися, сделал глубокий выпад и, запутавшись мечом в вовкиной цепухе, получил обухом топора по шлему «Сфера». Шлем был хороший, но Гися сел на попу и больше не вставал.

Максим в драку не лез. У него не было своего аккаунта в Игре, его назначили рефери. Он должен был пристрелить любого, кто воспользуется огнестрельным оружием. Под «любым» само собой подразумевались сталкеры.

Тем временем орки сразу в два топора уложили ещё одного бойца. Дальше продолжать не было смысла, началось бы избиение, а не честные разборки. Жалея сталкеров, Максим дал в воздух короткую очередь из калаша, давая сигнал к окончанию схватки.

– Не, ну я так не играю, – возмутился Чакра. – На самом интересном месте!

Хотя в целом он был доволен, зазнавшиеся приверженцы огнестрельного оружия, как и следовало ожидать, были наказаны. Орки ржали глядя, как перезагрузив игру, оживают поверженные сталкеры. Они печально разглядывали пробоины в бронекостюмах и вообще вид имели сильно мятый.

– И что я теперь эльфам скажу? – ныл Гися, поднимая обломок меча. – Обещал в целости и сохранности...

– Ладно, – сказал стр@n1k, сталкерский бригадир, – пошли в Бар, с нас поляна.

Орки задумались. С одной стороны, Бар – это территория сталкеров, орков к нему пускали не ближе расстояния прямой наводки АКМ. И гульнуть там, на базе вечного противника, значило закрепить успех. Вот только свои же потом скажут, дескать «вы со сталкерами в Баре рассиживали». Победила гордость.

– У вас в Баре одни малолетки, пошли к нам в Берлогу! Там и проставитесь.

– Малолетки, говоришь? – сквозь зубы спросил стр@n1k. Из всей компании он один был несовершеннолетний.

– А пойдёте к эльфам в «Тополёк»? – быстро предложил Максим. – Заодно и за сломанный меч рассчитаетесь.

И тогда не спеша, обходя аномалии, зубоскаля по поводу ожидавших сталкеров убытков, они пошли в сторону эльфийской локации. А у Максима зазвонил телефон.

– Говори, борода, – сказал он в трубку.

– Я подумал, – сказал колдун. – Я сделаю, как планировали. Но в дальнейшем отказываюсь выполнять задания, если они подвергают опасности детей. Я решил. Можешь передать, что я вышел из подчинения.

– Ты не горячись, – осторожно сказал Максим. – Начнём с того, что передавать о твоём демарше мне некому. Я же рассказывал – распоряжения я получаю из анонимного источника.

– Да, и мне сразу это не понравилось. Такая степень конспирации свойственна организациям скорее террористическим, чем гуманистическим.

– Не оstri. Я думаю, нам надо встретиться и всё обсудить. Ты сейчас где?

– Рыбу ловлю, – ответил колдун и оборвал связь.

17

Толику было смешно, что Марина и Соня упорно называли эту небольшую вытоптанную поляну кордоном. Он знал: кордон – это как блок-пост. А блок-пост – это бетонные плиты, колючая проволока, автоматчики в накидках и по ним обязательно из засады стреляет снайпер. А тут выбрали среди болота место посуше, понавтыкали палок с черепушками и нате вам – «кордон»! Но вот почему-то волшебник так на полянку и не зашёл, остался на тропе стоять. Так ведь первое, что сказала меньшая из девочек, Соня кажется, когда они приблизились: «Сотрудникам Министерства счастья вход на кордон запрещён!» А пока они с Бобровым снимали кеды и выжимали носки, она и Николаичу заявила:

– Вам большое спасибо, что проводили ребят, одни бы они, скорее всего, не дошли – одиночек обычно волшебники перехватывают. Вы можете здесь отдохнуть, но мальчики дальше пойдут с нами.

– А как же я? – тупо спросил физрук.

– Ну, – пожала плечами Соня, – вы назад возвращайтесь.

– В болото? – уточнил Николаич.

– Что вы глупости говорите! – возмутилась Соня. – Домой, конечно.

– Ага. Домой, значит. – Николаич смотрел на Соню, а та сразу отвернулась и стала внимательно смотреть по сторонам. На дежурстве она, делом занята, некогда ей бестолковым визитёрам элементарные вещи объяснять.

Николаич глянул на волшебника. Тот высморкался, лениво уронил в болото платок и закивал:

– Пойдём. Ты своё дело сделал, молодец. Теперь я тебя провожать буду. Вот веришь, самому не хочется, но работа такая.

Марина между тем не отходила от мальчишек. Она посоветовала повесить носки и кеды на свободные от черепов жерди, пускай просохнут, выяснила, что Толику тринадцать лет, а Костику четырнадцать, а про себя заявила, что у девушек о возрасте спрашивать не прилично.

Подошёл Николаич:

– Ладно, парни, давайте прощаться, раз такое дело, – он коротко пожал им мокрые ладошки и крикнул волшебнику: – Ты меня уже заждался!

Окунь смотрел, как скорым шагом Николаич пересекает поляну и опять, как в тот раз, когда ему Бобров пытался деньги всучить, понимал – не правильно! Не должно так быть. Он посмотрел на Соню. У Сони глаза были грустные-грустные. Он посмотрел на Марину. Марина, хихикая, трогала пальчиком бицепс Костяна. Костян стоял в позе бодибилдера.

– Марина, а почему взрослые, которые детей в школу колдунов отводят, назад не возвращаются?

– Ну, их же волшебники уводят, – отмахнулась Марина и приготовилась потрогать у Боброва кубики на прессе.

– Николаич, стой! – закричал Окунь. – Стой, Николаич!!

18

– По телевизору только новости и классическую музыку, – постукивая пухлыми пальцами по столешнице говорил министр счастья. – Праздники все эти весёлые – Новый год там, и этот... ну, ты знаешь. Не запрещать, нет, а проводить коллективно. Пусть приглядывают друг за другом.

Религиозные празднования поощрять! На них не забалуют. Вообще религиозное воспитание поощрять и вводить повсеместно. Чтобы серьёзное отношение формировалось. Построже надо!

Министр пропаганды смотрел на своего собеседника и не мог понять – а не издевается ли он над ним? Министра счастья он знал сто лет и помнил его молодым талантливым учёным, выпивохой и любителем похабных анекдотов. Вот только напоминать об этом сейчас, разумеется, не стоило. Мало ли, что было сто лет назад? А сегодня перед ним сидел крупный функционер, второе лицо в государстве. Точнее это он, министр пропаганды, сидел перед своим когда-то приятелем. В его кабинете. Куда его вызвали, как подчинённого. А что поделать – не он в любимчиках у Президента.

– В целом ты понял линию, я полагаю. И не смотри на меня так. Думаешь, я мохом оброс или из ума выжил?

– Да я ничего такого... – начал пропагандист, но был остановлен величественным жестом. Хозяин кабинета, казалось бы, просто приподнял ладонь над столом, а хотелось сказать – вознёс длань.

Но продолжил тоном уже менее официальным:

– Ты пойми – сейчас момент очень напряжённый. Знаешь, что умники из Отдела прогнозирования давно работали над тем, чтобы научиться определять Умения ещё до того, как они проявятся?

Отдел долгосрочного и оперативного прогнозирования был самым засекреченным в департаменте, и министру пропаганды не положено было знать ни о его планах, ни, тем более, о результатах работы. Он и не знал и никогда не интересовался. Поэтому на вопрос просто не отреагировал. Ни кивнул, ни плечами не пожал. И отказываться, тоже не стал. Считают, что ему должно быть известно о секретных разработках – ну и пусть. Потом обдумаем, отчего такие мысли у начальства. Его собеседник продолжал, как ни в чём, ни бывало:

– Так ведь научились! И такого сразу наопределяли, что вот думаю, а не разогнать ли их шаругу?

Он встал, одёрнул костюм и тут же смял борта, засунув руки в карманы брюк. Прошёлся по кабинету.

– По этому делу сейчас друг твой работает – инспектор. Вернее, засыпал он это дело, я ему фитиль ещё вставляю, но когда приедет, ты с ним переговори, чтобы быть в курсе. Пока уясни главное – в ближайшее время не должно быть никаких эксцессов! Не забывай, для чего мы создавали Организацию.

Услышав про Организацию, министр пропаганды покрылся холодным потом и перестал дышать. Закаменев, он глядел прямо перед собой, боясь пошевелиться.

– Ну, в целом ты осознал, ступай работай, – услышал он как будто издалека, встал, пожал протянутую руку и на ватных ногах вышел из кабинета.

Дышать министр пропаганды начал уже в приемной. Подышал, разглядывая секретаршу, серьёзную даму среднего возраста, и пошёл работать. Ему сегодня ещё предстояло, как и каждый день, объехать резиденции Президента, Премьера и Спикера. Они очень ценили его за умение – Баюн. От сладких грёз они просыпались только к его приезду. И снова засыпали. И так каждый вечер.

19

Снова шёл дождь, и снова вода хлюпала в кедах.

– Это беспрецедентно! – в который раз повторила Соня. Она очень сердилась. – Вы хоть знаете, что такое «прецедент»?

Они шли по узкой тропе, которая незаметно из болотной превращалась в горную. Но настоящих гор ещё не было видно, вокруг тянулись унылые холмы. Впереди шагали девочки, за ними Толик с Костяном, а сзади, как ни в чём не бывало, Николаич с волшебником. Кажется, даже о чём-то беседовали.

– Это значит, раньше так никогда не было, – неожиданно выступил Бобров. Толик даже споткнулся и глянул удивлённо на Костяна. – Отчим у меня тоже – ремнём лупцует и приговаривает: «Это беспрецедентно – каждый день двойка!», – пробурчал Бобров. – Но это ещё до того как я ему зуб выбил. А так-то он режиссёр – кино снимает.

– Никогда ещё взрослые за кордон не заходили! – продолжала возмущаться Соня.

– Взрослые-то ладно, а вот что с нами волшебник... это как? – испуганно спросила Марина.

Соня только отмахнулась, а Толик вдруг спросил:

– Соня, а тебя кто к колдунам провожал? Ты же ведь тоже не одна пришла.

– Меня сестра старшая привела.

– А потом?

– Что?

– Ну, куда она делась?

– Откуда я знаю? Мальчик, ты такие странные вопросы задаёшь. Назад ушла.

– С волшебником?

– Нет. С нами никаких волшебников не было. Это первый раз такое, что с детьми волшебник пришёл.

Толик помолчал и снова осторожно спросил: – А домой-то она вернулась? Сестра твоя?

Соня остановилась, повернулась и закричала: – Нет! Не вернулась! Знаешь ведь, что никто не возвращается! Что ты меня пытаешь?! – Соня заплакала.

А Марина сказала: – Меня и вовсе мама привела. Привела и на болоте осталась. Только тогда эпидемия «синьки» была.

Николаич подошел к Соне и осторожно обнял её. Было видно, что Бобров размышляет, а не приобнять ли и ему Марину. А Марина стояла, наморщив лобик, и вспоминала что-то такое, чего ей видимо, совсем не хотелось вспоминать. Соня, снизу вверх глядя на Николаича, сказала: – Как странно... Тогда мне казалось, что это совершенно нормально, что она осталась стоять посреди болота и я не знаю, что с ней, и за целый год я про неё ни разу не вспомнила. А вот сейчас вдруг так стыдно стало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.